

Неофилология

ISSN 2587-6953 (Print)

ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

Перечень ВАК, ПИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.282.2

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-715-723

Народный говор сквозь призму похоронно-поминального обряда

Любовь Винаминовна НЕДОСТУПОВА

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»

394026, Российская Федерация, г. Воронеж, Московский просп., 14

✉ nedostupowa2009@yandex.ru

Аннотация. Предметом настоящего исследования выступает содержание ритуала организации и проведения похорон, нашедшего отражение в живом языке сельского человека. Актуальность данного изыскания обусловлена возрастающим интересом к народной культуре прошлого и связанной с ней лексикой. Цель исследования состоит в определении характерных особенностей речи диалектоносительницы старшей возрастной группы сквозь призму похоронно-поминального обряда русской деревни. Посредством народного языка репрезентируется былая традиция. Объектом изыскания оказывается южнорусский говор. В результате исследовательской деятельности показан церемониал траурного цикла середины XX столетия. Он представлен как самобытное культурное явление, включающее 12 действующих этапов. Говор деревенской жительницы проанализирован через яркие фонетические и грамматические особенности. Среди них: яканье, аканье, иканье, переход [а] в [о], γ фриктивного образования, утрата начального гласного и согласного, употребления протетического [й] перед гласным переднего ряда [и], твёрдое произношение долгого шипящего [ш:], регулярная диссимилиация, упрощение согласных и гласных или их групп, удлинение основы за счёт гласной и/или согласной, перестановка ударения в словах, переход существительных 3-го склонения в 1-е, окончания -ы у слов среднего рода, переход среднего рода в женский и др. Сделан вывод о том, что названные характеристики свидетельствуют о сохранении диалектных черт посредством крепкого, непоколебимого обычая прошлого века. Отмечено, что в речи респондента нашли выражение: обрядовая традиция, ритуальная пища и напитки, жизнь конкретного человека, сельские реалии, особенности быта, семейные отношения, существующие внутри деревенского микросоциума нормы и др.

Ключевые слова: народная культура, ритуальная традиция, южнорусский говор

Для цитирования: Недоступова Л.В. Народный говор сквозь призму похоронно-поминального обряда // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 715-723. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-715-723>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Folk patois through the prism of the funeral and memorial rite

Lubov V. NEDOSTUPOVA

Voronezh State Technical University
14 Moskovskiy Ave, Voronezh 394026, Russian Federation
✉ nedostupova2009@yandex.ru

Abstract. The topic of this study is the content of the ritual of organizing and conducting a funeral, which is reflected in the living language of a rural person. The applicability of this research is due to the growing interest in the folk culture of the past and the vocabulary associated with it. The purpose of the research is to determine the characteristic features of the speech of a dialect speaker of the older age group through the prism of the funeral and memorial rite of the Russian village. The old tradition is represented through the folk language. The object of research is the South Russian patois. As a result of research activity, we show the ceremonial of the mourning cycle of the middle of the 20th century. It is presented as an original cultural phenomenon, including 12 stages of action. The patois of a village woman is analyzed through bright phonetic and grammatical features. Among them: ya-pronunciation, a-pronunciation, i-pronunciation, transition [a] to [o], γ fricative formation, loss of initial vowel and consonant, use of prosthetic [й] before front vowel [и], hard pronunciation of long hissing [ш'], regular dissimilation, simplification of consonants and vowels or their groups, lengthening of the stem due to a vowel and/or consonant, rearrangement of stress in words, transition of nouns of the 3rd declension into the 1st, endings -ы in words of the neuter gender, transition of the neuter gender into female, etc. It is concluded that these characteristics testify to the preservation of dialectal features through a strong, steadfast custom of the last century. It is noted that in the respondent's speech they found expression: ritual tradition, ritual food and drinks, the life of a particular person, rural realities, features of life, family relations, norms existing within the village microcommunity, etc.

Keywords: folk culture, ritual tradition, South Russian patois

For citation: Nedostupova L.V. Narodnyy govor skvoz' prizmu pokhoronno-pominal'nogo obryada [Folk patois through the prism of the funeral and memorial rite]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 715-723. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-715-723> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Изучение народной речи в XXI веке становится для многих лингвистов одним из интереснейших направлений исследований, поскольку её самобытные особенности хранят ценные сведения по истории родного языка. Своё отражение в ней находят и традиционные ритуалы.

Обратим внимание, что «каноны жителей сельской местности – это особый, самостоятельный аспект, существующий по сво-

им внутренним законам и правилам. В нём воплощён уровень и способ организации трудовой деятельности, материальных и духовных ценностей определённого коллектива, проживающего на той или иной территории» [1, с. 65].

Одним из компонентов культуры селян прошлого столетия являлся похоронно-поминальный церемониал. Он представлял собой ряд достаточно важных для людей мероприятий, имеющих сакраментальный (религиозный) смысл.

Укажем, что этнолингвистическими исследованиями данной тематической группы занимались разные учёные, среди которых: В.Ф. Филатова [2-5]; Ю.А. Крашенинникова [6]; Н.А. Колкова [7]; А.Б. Коконова [8]; М.А. Андрюнина [9]; А.А. Бобринин [10]; И.А. Подюков и Е.Н. Свалова [11] и мн. др.

Наш взор акцентируется на живой речи жителя деревенского социума. В качестве языкового материала выступает говор уроженки села Бобровы Дворы – Базелевой Татьяны Владимировны (1943 г. р.).

Уточним, что «Село Бобровы Дворы Губкинского района Белгородской области расположено на юго-востоке Средне-Русской возвышенности, удалено от районного центра города Губкина на 18 км»¹. Его возникновение относят к 1623 г. и связывают с необходимостью защиты границ Московского государства юга. Четырёхсотлетняя история населённого пункта была наполнена разными событиями...

Согласно этому, за годы длительного существования здесь сложилась богатая инфраструктура. Она представлена общеобразовательной и музыкальной школами, современным Домом культуры со спортивным залом, библиотекой, храмом, несколькими магазинами и др. Селяне занимаются преимущественно растениеводством и животноводством. Численность жителей составляет 1270 человек.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Предметом настоящей статьи выступает содержание ритуала организации и проведения похорон, нашедшего отражение в живом языке сельского человека.

Объектом работы становится южнорусский говор.

Цель исследования состоит в определении характерных особенностей речи диалектоносительницы старшей возрастной группы сквозь призму похоронно-поминального обряда русской деревни. Посредством народного языка репрезентируется былая традиция.

В работе использованы экспериментальный (интервьюирование, опрос, наблюдение) и описательный (описание, сравнение) лингвистические методы.

В научный оборот вводится новый материал.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Любопытные сведения по похоронно-поминальному обычаю мы получили из уст информатора – Базелевой Т.В. По свидетельству респондента, в деревенской культуре середины и второй половины XX столетия традиции в этой предметной области были достаточно крепкими, непоколебимыми.

Совершенно очевидно, что в прошлом веке люди, преимущественно, умирали в силу преклонного возраста. Смерть человека выступала завершающей стадией пребывания в этом мире: *Рани фсё было й истёстинна, ёли фсё йистёстинна, намирали на старости, ня так, как сычас маладыя мруть.*

Прежде всего, отметим, что важным в ритуале являлось двухдневное пребывание умершего в собственном доме и совершение в связи с этим разных действ. Причина смерти не устанавливалась, поскольку она наступала в старчестве. Конкретизируем: *Пакойник далжён начавать дома, никто яго на вскрытию ни вазили. Фсё так ясна, атвикавал чилавёк. И ляжал он в хати у сибё.*

Зеркала и окна в крестьянском доме обязательно **занавешивались**: *Зиркала и окны завешивали матерьялам каким -т.* По верованиям людей, они выступали определённой гранью между земным и загробным миром.

Особую значимость имел **обряд купания и одевания усопшего**. Его осуществляли, как стало известно, специально занимающиеся этим сельские женщины: *Купали покойника, ни вазили никуды. Были купалки у нас тут в дирёвни. Ани абмоють, убяруть. Патом наложут на лафку. Родныи ни купали, тйашка йим была.*

Гроб для покойника тоже изготавливали местные умельцы. Они работали с деревом, которого, как обычно, в сельской местности было достаточно: *Грабы делали сами, мас-*

¹ Киреева И.В., Лысых Р.П., Куринова О.В. Бобровы Дворы... Милый край, село родное. Губкин, 2016. 24 с. URL: http://gub-raion.ucoz.ru/03032016/Buklety2016/bob-rovy_dvory_buklet_28_11_pr4.compressed.pdf (дата обращения: 01.04.2022).

тирава́я мужу́ти на дире́вни . *Энта́т гро́п сабы́ють*, ниче́м ни абива́ли ра́ни.

Подушка для усопшего изготавливалась из сухой травы – сена. Наволочка для этого была приготовлена заранее: *Паду́шку траво́й набива́ють*. *Се́на у ва́ фсех мно́га была́*, *скот вить дяржа́ли*.

И потом в гроб отправляли тело умершего человека: *Па́то́м ло́жили я́го на ме́сту*. *И гро́п ста́вють на ла́фку* . *Вакру́х на ла́фках са́дяца ро́дныи*.

Укажем, что одним из важных этапов похоронно-поминальной традиции был **ритуал голошения** по усопшему. Совершали этот обычай дочери или сваты: *Ра́ни галаси́ли на то́м, хто по́мир*. *Па ра́ди́тилям галаси́ли до́чири*. *Иль сватя́я*. В основе процесса был заложен плач в виде причитания, цель которого состояла в словесной прилюдной демонстрации важных эпизодов, трудных моментов в жизни усопшего, его достоинств и оценку: *И вот а́ни причита́ли*. *И вот а́ни га́лосю́ть-га́лосю́ть*, *раска́зывают фсю́ па́дн а́-го́тнаю*: *ско́ка он фся́го па́пиры́нёс* , *как я́му была́ тя́шка -притя́шка*, *хто би́жа́л* . *В бе́днасти иль в ба́гата́стви жи́л чи́лавёк* . *Как на распе́ф си́ равно́ га́лосю́ть* . *А́днэ ко́нча*, *дру́гая начне́*.

Кроме того, в селе была женщина, которая приходила в дом умершего и **читала молитвы** за упокоевание души: *Бы́ли чита́лки*. *А́на при́ходя и чита́я во́зли гро́ба* . *Чита́я до́лга*, *па́шти́ биз а́стана́фти* . *Чита́я да па́лно́чи*.

Как показывает языковой материал, после окончания обряда, проводимого читалкой, наступало время **ритуальной трапезы**, именуемой *по́минки*: *В девя́на́ть чи́со́ф я́го на́крыли*. *И са́дяца па́мина́ть фсе́ ту́та па́сля́ девя́на́ти*. *А па́мина́ли в а́снэво́м ста́рыи*.

Еду готовили близкие родственники. Сюда входило горячее (обязательно – лапша), картофель с овощами, выпечка с мёдом: *При́ближе́ннаи ро́цтвинники́ га́то́вють* : *ла́пицу́ во́рють на ку́ри́нам бу́льёни*, *па́мпу́шки пя́кутъ*. *Ина́гда с ме́дам*, *што́б нама́чить*, *а то́ каро́вьё ма́сла бы́ла* . *Са́ми зби́вали к а́ро́вьё ма́слу*, *каро́ф вить фсе́ дяржа́ли*. *Ишшо́ агу́рцы* , *памидо́ры*, *карто́хи*. *Та́кия по́мины*.

Интересны тесные деревенские связи с соседями и односельчанами. Все в сельском

микросоциуме находятся во взаимодействии, оказывая друг другу поддержку, когда это необходимо, в трудной жизненной ситуации. По этой причине существовала **традиция прощания**: *Фсе́ су́седи при́хадзи́ли* , *фсе́ лю́ди на́шинския́ пра́вадо́ить па́койника́* . *А́д-де́лаю́тца*, *суды́ иду́ть* . *Ста́ять*, *гля́дять*, *пла́чуть*, *хто ис ста́рых и за́галаси́ть* . *Хто сядя́ с ро́дными́ ря́дам*. *Пасидя́ть*, *пабу́дутъ и па́шли*.

Акцентируем внимание на том, что **молитвы** совершались **ежедневно читалкой** над телом покойного: *Па́койник ля́жить* , *и чита́лка ка́ждный де́н чита́я*.

Собственно похороны осуществлялись только на третий день после смерти человека: *Ка́да па́мре́тъ хто*, *храни́ли то́льтя на тре́тий де́н*. В этот день **обряд отпевания** совершает батюшка из близлежащей церкви: *Па́то́м ба́тюшка́ при́яжса́я*, *а́тпя́вая до́ма*. *И фсе́ ста́ять ро́цтвинники́* , *фсе́ ста́ять са́ свечки́ми*. *Паста́ять*, *пра́слязятца́*, *па́ка он ня́ ко́нча чита́ть*.

Не менее значимо то, что в это время на кладбище **подготавливали могилу**, работали так называемые копачи. *Ка́пачи́ бы́ли у нас ту́та*, *спи́ца́льна ка́паю́ть ма́гилу*. *Э́т мужу́ки при́ си́ли на́шинския́* . В свою очередь, женщинам необходимо было покормить их, поскольку данный процесс был трудоёмким, в зависимости от погодных условий и времени года, занимал несколько часов: *И́их а́бя-за́тильна́ карма́ли*, *при́на́си́ли на ма́гилку́ с а́-ма́гон*, *заку́ску ка́кую -ню́тъ*: *карто́х на-во́рютъ «в и́танах»*, *са́лу*, *я́йцы*. *И́им на́да са́грётца́ и п а́ткря́нитца́*. *Ка́да зи́ма*, *зе́млю ме́разлаю́ ниче́м ни ва́зьме́шь* . *Ти́жалэ́ бы́ла и́им*.

Перед отправкой на кладбище ещё раз к гробу подходили немощные люди. Они **прощались с умершим** здесь, поскольку путь для них был трудным по состоянию здоровья. Все остальные шли за гробом. *Ка́да ба́тюшка́ а́бряд пра́вёл* , *хто ту́та пра́ ишшо́итца́*, *ба́льня́ да ста́рыи* . *Дру́гия́ шли на кладби́шицу*.

После прощания покойника закрывали: *Све́рьху ма́рлей ка́ко́й-ню́тъ при́крыва́ли*. *Ра́ни фсе́ па́-про́стаму́ бы́ла*. Затем опускали в могилу и закапывали.

Далее, все возвращались в дом усопшего, и начиналась **коллективная поминальная**

трапеза: *Пасля пахарон фсе шли назат , ни садилися за стол , пакуда ни закапають п а-койника. Сталы накрывають , хто тута а с-талси. Ф перваю очирить сажаяють капачей. И так па нескалька партый , паминали в свайих хатах . Родных самых сажали па с-ледних, нада штоб другия люды памянули . Спярьва садяцца суседи, друзья, таваришши. Так и праважають в дальний путь . И жизня чилавечская кончилась.*

Итак, для времени функционирования описанного обычая было свойственно то, что смерть человека наступала, чаще всего, в преклонном возрасте. Причина её не устанавливалась. Обряд голошения совершали дочери или сваты. Ритуал купания, одевания усопшего и чтение молитв осуществляли местные женщины. Обычай отпевания проводил батюшка. Подготовку гроба выполняли местные мастера, рытьём могилы занимались сильные и крепкие сельские мужчины. Пища и напитки для трапез готовились в домашних условиях.

Следует отметить, что в репрезентированном материале нашёл отражение народный говор. Интерес представляют следующие фонетические и грамматические признаки.

Представим их отличительные черты:

1. В области гласных в безударном положении отмечено яканье: *[абязатильна, атпявая, глядять, двянацать, дяжэали, ляжэал, ня так, памянули, папирянёс, паткряпитца, прияжжэая, праслязятца, пякуть, спярьва, убяруть, фсяго, яго, яму]* и др.

2. Наблюдается аканье: *[абивали, абряд, адделаютьца, адна, астанофти, бальныя, вазили, вакрух, галасили, гатовють, грабы, закапають, закуска, каровья, капаяють, кармили, картохи, лапиу, магилу, маладыя, начавать, накрыли, намачить, паднаготнаю, падушка, пакойник, палночи, паложуть, паминать, памидоры, пампушки, патом, паити, правадить, принасили, прихадили, радитилям, рассказвають, раснеф, сабыють, садятца, самагон, сватья, травой]* и др.

3. Имеет место иканье: *[атвикавал, вить, диревни, зиркала, памирали, спицальна, у сибё, чилавек, чисоф]* и др.

4. Представлен переход *[а]* в *[о]*: *[лапиу ворють. Картох наворють]* и др.

5. Отсутствие III лабиализации, характерное для ряда русских говоров: *[другая начне. В аснавнэм старыйи . Када памреть хто. Ничём ни вазьм ешь]*. Однако в слове дён эта лабиализация отмечена: *[кажный дён читая]*.

6. Наблюдается утрата начального гласного в слове: *[Хто бижал]*, (обижал) и утрата согласного: *[Как на распев си равно]* (всё равно).

7. В говоре выявлена прогрессивная ассимиляция гласного: *[Суды идут. Мужуки при сили]* и др.

8. Зафиксирован согласный *у* фрикативного образования: *[ауурцы, урабы, долуга, другия, мауилу, мноуга, уаласили, уатовють, инауда, сауретца, самагон, фсяго]* и др.

9. Имеет место прогрессивное смягчение *[р']* после исконного гласного переднего ряда, преобразованного в результате яканья: *[Спярьва садяцца]*.

10. Наблюдается регулярное изменение согласного *[к']* > *[т']*, отмеченное в ряде русских говоров: *[мастиравый мужу, ти. Паити биз астаноф ти. Тольтя на третий дён]* и др.

11. Зарегистрирована замена согласного *[д]* на *[н]*: *[кажный дён]* и др.

12. Отмечена регулярная диссимиляция: *[нихто ни вазили . Хто помир . Хто бижал . Хто ис старых и загаласить . Хто сядя рядам. Када памреть хто]* и др.

13. Зафиксирован регулярный для народной речи переход *[ф]* > *[х]*: *[Ишио картохи]* и др.

14. В результате диссимиляции согласных сочетание *[чт]* переходит в *[шт]*: *[Паити биз астанофти]*.

15. Встречается отмеченное в южнорусских говорах твёрдое произношение долгого шипящего *[ш:]*: *[ишио агуры. Хто тута прашиаитца. Шли на кладби ишиу. Садяцца таваришши]* и др.

16. Аффрикаты *[ч]* и *[ц]* в говоре отличаются: *[чилавечская, капачей, кончилась, намачить, ничём, очирить, палночи; адделаютьца, двянацать, сагретца, спицальна, роцтвиники, паткряпитца, яйцы]* и др.

17. Зарегистрировано упрощение согласных и гласных или их групп: *[рани фсе было. Ни абивали рани. Када памреть. Када зима. Как сычас маладыя. Матерьялам ка-*

кѣм-т. Па то м, хто помир . Ані ра с-казвають. **Скока** папиряе. **Хранили** тольця на трэці дён. **Спицальна** капаяць. **Эт** мужуки при сілі . **Закуску** какую **-нть**. **Марлей** какой **-нть**. **И** жыня члавё **чская**] и др.

18. Наблюдается фонетический процесс употребления протетического [й] перед гласным переднего ряда [i], встречающийся в русских говорах: [Тяшка **й**им была . В ас-навнэм стары **йи**. **Й**их кармили . **Й**им нада сагретца. Тижало была **й**им. Мамінали в свай**й**их хатах] и др.

19. Зафиксировано удлинение основы за счёт гласной и/или согласной: [Были купалки у нас тут**а**. Садятца памінаць фсе тут**а**. У **ва** фсех многа . **Энтат** сабыють . Зямлю мё-разлаю. В беднасти иль в багат**а**стви. Капа-чї у нас тут **а**. Тут**а** прашиіаітца. Хто тут**а** асталси] и др.

20. Отмечены местоимения на -е в родительном падеже: [в хату у сиб**е**].

21. В возвратных глаголах постфикс -ся используется на месте -сь: [садились**а**, кончили**а**] и др.

22. Имеет место употребление -си на месте -ся: [асталси] и др.

23. Глаголы 3-го лица единственного числа оканчиваются на гласный: [адна конча, другая начн**е**. Ана приход**я** и чит<б>ая. Чит<б>ая долга. Сяд<б>я с родными рядам . Читалка чи-та<б>я. Батюшка прияжж<б>ая, атпява<б>я. Паст-таять, пака ня конча чит<б>ать] и др.

24. Наблюдается использование -ть на месте -т в глаголах 3-го лица множественного числа: [маладыя мрут<б>ь. Патом абмоют<б>ь, убяр<б>ут<б>ь. Патом паложу<б>ть. Гроп сабы<б>ут<б>ь. Травой набиваю<б>ть. Ставю<б>ть на лафку. Ані галосю<б>ть-галосю<б>ть, расказваю<б>ть. Прибли-жённай гатовю<б>ть. Лапиу вору<б>ть. Пам-пушки пяку<б>ть. Картох наворю<б>ть. Суды иду<б>ть. Стая<б>ть, гляд<б>ать, плачу<б>ть. Хто и загаласи<б>ть. Пасид<б>ать, пабуду<б>ть и паши<б>ли . Пакойник ляж<б>ить. Фсе стая<б>ть роцтвиники. Спицальна кап<б>аю<б>ть. Закап<б>аю<б>ть пакойника. Сталы накрываю<б>ть. Саж<б>аю<б>ть капачей. Праваж<б>аю<б>ть в путь] и др.

25. Замечена перестановка ударения в словах: было́ – было, далжён – должен, родны́и – родные, да пално́чи – до полуночи, иду́ть – идут, пасля́ – после, па-проста́му – по-простому и др.

Выявлены следующие интересные грам-матические особенности говора:

1. В слове *жизня* отмечен переход сло-ва 3-го склонения в 1-е, что встречается в народной речи: [ж<б>из<б>ня кончилася].

2. Окончания -ы регулярно встречается в говорах у слов среднего рода: [окны за-в<б>ешвали. Наворю<б>ть яйцы] и др.

3. Наблюдается регулярный в южнорус-ских говорах переход среднего рода в жен-ский: [малады<б>я мрут<б>ь. Нихто яго ни вазіли . Мастиравыя мужути . Ложили на м<б>ест у. Зямлю мёразл<б>аю. Расказваю<б>ть фсю падн<б>а-г<б>отнаю. Приближённай роцтвиники. Кар-овья масла была . Збивали каровь ю маслу. Такия помины . Фсе люди нашински **я**. Тут<б>а балныя . Ф перваю очирить] и др.

ВЫВОДЫ

Таким образом, научная новизна иссле-дования состоит в том, что в нём впервые описан боброводворский траурный церемо-ниал середины XX века. Репрезентирован-ный деревенский похоронно-поминальный обряд включал комплекс следующих друг за другом мероприятий:

1. Занавешивание зеркал и окон в доме покойного.
2. Купание и одевание умершего.
3. Подготовка гроба и подушки для усопшего.
4. Обряд голошения.
5. Чтение молитв читалкой.
6. Ритуальная трапеза в полночь.
7. Традиция прощания соседей и одно-сельчан.
8. Подготовка могилы.
9. Обряд отпевания.
10. Прощание с покойником в день по-хорон.
11. Обряд похорон на кладбище.
12. Коллективная поминальная трапеза.

Кроме того, проведённый анализ позво-лил сделать вывод, что в исследуемом нами народном говоре отмечено:

- яканье, аканье, иканье;
- переход [а] в [о];
- использование у фрикативного обра-зования;
- утрата начального гласного и соглас-ного;

- употребления протетического [й] перед гласным переднего ряда [и];
- замена согласного [ð] на [н];
- твёрдое произношение долгого шипящего [ш: '];
- регулярная диссимиляция;
- регулярный переход [ф] > [х];
- упрощение согласных и гласных или их групп;
- удлинение основы за счёт гласной и/или согласной;
- местоимения на -е в родительном падеже;
- постфикс -ся на месте -сь, -си на месте -ся;
- глаголы 3-го лица единственного числа оканчиваются на гласную;
- использование -ть на месте -т в глаголах 3-го лица множественного числа;
- перестановка ударения в словах;
- переход существительных 3-го склонения в 1-е;
- окончания -ы у слов среднего рода;
- переход среднего рода в женский и др.

Итак, все вышеперечисленные особенности указывают на сохранение южнорусских диалектных черт в речи респондента.

Результаты изыскания дают возможность заключить, что в говоре нашли отражение:

- культура прошлого;
- обрядовая традиция;
- ритуальная пища и напитки, их приготовление;
- жизнь конкретного человека;
- сельские реалии;

- особенности быта;
- семейные отношения;
- существующие внутри деревенского микросоциума нормы;
- эмоциональная составляющая, испытываемая людьми в период похоронно-ритуального церемониала, и мн. др.

Подводя итоги, отметим, что данная статья дополняет имеющиеся исследования новыми оригинальными материалами и вносит вклад в изучение людей сельской среды с определённым своеобразным мировоззрением и жизненными установками.

Практическое значение настоящей работы состоит в том, что её данные можно использовать в тематической серии «Человек. Традиционная народная духовная культура» Всероссийского диалектологического проекта РАН «Лексический атлас русских народных говоров». В перспективах дальнейших научных работ в данном направлении – сопоставление деревенского траурного обряда XX и XXI веков.

Кроме того, «нельзя обойти и тот факт, что поколения сменяются, уходят в прошлое драгоценные сведения, рассказывающие о быте деревенских людей и их укладе. И если сейчас не записать, не описать, не представить эти данные, то в ближайшем будущем они бесследно исчезнут вместе с людьми старшей возрастной группы – очевидцами прежней жизни, старины» [12, с. 57]. Важность и нужность таких изысканий в настоящее время не вызывает сомнения.

Примечание: В статье используется русская упрощённая транскрипция. Звук «г» в говоре фрикативный.

Список источников

1. Недоступова Л.В. Язык свадебной церемонии как отражение сельской народной культуры // Современные лингвистические и методикодидактические исследования. Воронеж, 2022. Вып. 1 (53). С. 64-79. <http://doi.org/10.36622/VSTU.2022.74.65.005>
2. Филатова В.Ф. Обряд и обрядовая лексика в этнолингвосомиотическом аспекте (на материале говоров восточной части Воронежской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1995. 22 с.
3. Филатова В.Ф. Триада рождение – жизнь (брак) – смерть в обрядах Воронежской области (опыт лингвосомиотического описания обряда) // Опыт исследования традиционных обрядов Воронежского края. Борисоглебск, 1998. С. 14-53.
4. Филатова В.Ф. О магических обрядах и их современном состоянии (на материале русских и украинских воронежских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров 1999. СПб., 2002. С. 115-123.
5. Филатова В.Ф. Лексика архаических элементов погребально-поминального обряда Воронежского края // Лексический атлас русских народных говоров 2021. СПб., 2021. С. 533-551.

6. Крашенинникова Ю.А. Похороны «по-репному» (о некоторых фактах похоронно-поминальной обрядности северных русских) // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 299-310.
7. Колкова Н.А. Русская погребальная паремиялогия и фразеология в лингвокогнитивном аспекте: смерть как сценарий ухода // Мир русского слова. 2009. № 3. С. 59-63.
8. Кокконова А.Б. Рождение и смерть в пространстве диалекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 24 с.
9. Андрюнина М.А. Символика пространства в славянской похоронно-поминальной обрядности: этнолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 24 с.
10. Бобрехин А.А. Семантика похоронного обряда уральцев // Национальные культуры Урала. Фольклорный текст и обряд. Екатеринбург: Центр традиц. нар. культ. Среднего Урала, 2016. С. 14-34.
11. Подюков И.А., Свалова Е.Н. Локальная специфика лексики похоронно-поминальной обрядности русских Прикамья // Научный диалог. 2019. № 11. С. 46-60. <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-11-46-60>
12. Недоступова Л.В. Репрезентация свадебной традиции 60-х гг. XX столетия в Воронежской области (этнолингвистический аспект) // Вестник славянских культур. М., 2022. Т. 63. С. 55-75. <http://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-55-75>

References

1. Nedostupova L.V. Yazyk svadebnoy tseremonii kak otrazheniye sel'skoy narodnoy kul'tury [The language of the wedding ceremony as a reflection of rural folk culture]. *Sovremennyye lingvisticheskiye i metodikodikticheskiye issledovaniya – Modern Linguistic and Methodological-Didactic Research*, Voronezh, 2022. no. 1 (53), pp. 64-79. <http://doi.org/10.36622/VSTU.2022.74.65.005>. (In Russian).
2. Filatova V.F. *Obryad i obryadovaya leksika v etnolingvosemioticheskom aspekte (na materiale govorov vostochnoy chasti Voronezhskoy oblasti): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Rite and Ritual Vocabulary in the Ethno-Linguo-Semiotic Aspect (Based on the Dialects of the Eastern Part of the Voronezh Region). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Voronezh, 1995, 22 p. (In Russian).
3. Filatova V.F. Triada rozhdeniye – zhizn' (brak) – smert' v obryadakh Voronezhskoy oblasti (opyt lingvosemioticheskogo opisaniya obryada) [The triad of birth – life (marriage) – death in the rites of the Voronezh region (the experience of the linguo-semiotic description of the rite)]. *Opyt issledovaniya traditsionnykh obryadov Voronezhskogo kraya* [Experience in the Study of Traditional Rites of the Voronezh Region]. Borisoglebsk, 1998, pp. 14-53. (In Russian).
4. Filatova V.F. O magicheskikh obryadakh i ikh sovremennom sostoyanii (na materiale russkikh i ukrainskikh voronezhskikh govorov) [About magical rites and their current state (on the material of Russian and Ukrainian Voronezh dialects)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov 1999* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects 1999]. St. Petersburg, 2002, pp. 115-123. (In Russian).
5. Filatova V.F. Leksika arkhaiskikh elementov pogrebal'no-pominal'nogo obryada Voronezhskogo kraya [Vocabulary of archaic elements of the funeral and memorial rite of the Voronezh region]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov 2021* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects 2021]. St. Petersburg, 2021, pp. 533-551. (In Russian).
6. Krashenninnikova Yu.A. Pokhorony «po-repnomu» (o nekotorykh faktakh pokhoronno-pominal'noy obryadnosti severnykh russkikh) [Burials “in turnip” (about some facts of the funeral and memorial rituals of Northern Russians)]. *Antropologicheskii forum – Anthropological Forum*, 2009, no. 10, pp. 299-310. (In Russian).
7. Kolkova N.A. Russkaya pogrebal'naya paremiologiya i frazeologiya v lingvokognitivnom aspekte: smert' kak stsennariy ukhoda [Russian funerary paremiology and phraseology in the linguo-cognitive aspect: death as a scenario of departure]. *Mir russkogo slova – World of the Russian Word*, 2009, no. 3, pp. 59-63. (In Russian).
8. Kokonova A.B. *Rozhdeniye i smert' v prostranstve dialekta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Birth and Death in the Space of a Dialect. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2011, 24 p. (In Russian).
9. Andryunina M.A. *Simvolika prostranstva v slavyanskoy pokhoronno-pominal'noy obryadnosti: etnolingvisticheskiy aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. [The Symbolism of Space in the Slavic Funeral and Memorial Rites: Ethnolinguistic Aspect. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2015, 24 p. (In Russian).
10. Bobrikhin A.A. Semantika pokhoronnogo obryada ural'tsev [Semantics of the funeral rite of the Urals]. *Natsional'nyye kul'tury Urala. Fol'klornyy tekst i obryad* [Nationalnye Cultures of the Urals. Folklore Text and Rite]. Yekaterinburg, Center of Traditional Folk Culture of the Middle Urals Publ., 2016, pp. 14-34. (In Russian).

11. Podyukov I.A., Svalova E.N. Lokal'naya spetsifika leksiki pokhoronno-pominal'noy obryadnosti russkikh Prikam'ya [Local specificity of the vocabulary of the funeral and memorial rituals of the Russians of the Kama region]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2019, no. 11, pp. 46-60. <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-11-46-60>. (In Russian).
12. Nedostupova L.V. Reprezentatsiya svadebnoy traditsii 60-kh gg. XX stoletiya v Voronezhskoy oblasti (etnolingvisticheskiy aspekt) [Representation of the wedding tradition of the 60s. of 20th century in the Voronezh region (ethno-linguistic aspect)]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur – Bulletin of Slavic Cultures*, Moscow, 2022, vol. 63, pp. 55-75. <http://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-55-75>. (In Russian).

Информация об авторе

Недоступова Любовь Винаминовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-1978-4725](https://orcid.org/0000-0003-1978-4725), nedostupowa2009@yandex.ru

Вклад в статью: идея, цель, сбор первичного материала, анализ полученных данных, обработка результатов, написание статьи.

Поступила в редакцию 12.05.2022

Одобрена после рецензирования и доработки
13.08.2022

Принята к публикации 29.08.2022

Information about the author

Lyubov V. Nedostupova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Language and Intercultural Communication Department, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-1978-4725](https://orcid.org/0000-0003-1978-4725), nedostupowa2009@yandex.ru

Contribution: idea, purpose, collection of primary material, obtained data analysis, results processing, manuscript drafting.

The article was submitted 12.05.2022

Approved after reviewing and revision 13.08.2022

Accepted for publication 29.08.2022